

Россия-Китай-Индия: старые треугольники в новом мировом порядке?

Бобо ЛО

Апрель 2017

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском и международном дебате.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

*Данная статья опубликована в рамках проекта
«Обсерватория России, Кавказа и Восточной Европы» при поддержке
Генеральной Дирекции по Международным Делах и Стратегии (DGRIS)
Министерства Обороны Франции.*

ISBN : 978-2-36567-700-4

© Все права защищены, Ifri, 2017

Прочитать публикацию:

Бобо ЛО, «Россия-Китай-Индия: старые треугольники в новом мировом порядке?»,
Russie.Nei.Visions, № 100, ИФРИ, апрель 2017.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15 – FRANCE

Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00 – Fax : +33 (0)1 40 61 60 60

E-mail : accueil@ifri.org

Ifri-Bruxelles

Rue Marie-Thérèse, 21 1000 – Bruxelles – BELGIQUE

Tél. : +32 (0)2 238 51 10 – Fax : +32 (0)2 238 51 15

E-mail : bruxelles@ifri.org

Веб-сайт : Ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Об авторе

Бобо Ло – независимый аналитик и ассоциированный исследователь Центра Россия/ННГ ИФРИ. Ранее руководил программами «Китай и Россия» в Центре европейских реформ, а также программой «Россия и Евразия» в Chatham House. Работал заместителем главы миссии в посольстве Австралии в Москве.

Бобо Ло – автор многих публикаций о российской внешней политике. Его последняя монография *Russia and the New World Disorder* (Brookings and Chatham House, 2015) вошла в шорт-лист премии Пушкинского дома (Лондон) 2016 года, и была охарактеризована в *The Economist* как «лучшая на сегодняшний день попытка объяснить провал отношений России с остальным миром». Предыдущая книга Ло *Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics* (Brookings Institution Press, 2008) была названа журналом *Foreign Affairs* «лучшим на сегодняшний день анализом одних из самых важных в мире двусторонних отношений».

Бобо Ло получил степень магистра в Оксфорде и докторскую степень в университете Мельбурна.

Краткое содержание

Международная система, сложившаяся после окончания холодной войны под эгидой США, сталкивается сегодня с многочисленными трудностями. Решающим фактором в формировании нового мирового порядка станет сложная сеть отношений между Россией, Китаем и Индией. При этом влияние, оказываемое этими державами друг на друга и на другие страны, неравнозначно и труднопредсказуемо. Параллельно с консенсусом о «демократическом мировом порядке», между ними существуют серьёзные различия во взглядах, а порой и конфликтующие интересы. Далеко не ясно, способна ли матрица Россия-Китай-Индия стать основой для зарождающейся сети сотрудничества, или же противоречия между ними знаменуют нарастание сложностей и для новой системы.

Многое будет зависеть от того, как Москва, Пекин и Нью-Дели справятся с увеличивающейся асимметричностью двусторонних отношений в их тройке. Ещё одним вызовом станет согласование противоречивых взглядов на глобальное управление в постоднопольном мире и развитие новых структур для создания более справедливой и эффективной международной системы. Масштаб этой задачи увеличивается на фоне растущих внешнеполитических амбиций всех трёх государств и возрождения традиционных геополитических подходов.

На будущее матрицы Россия-Китай-Индия будет также влиять развитие событий в мире, в частности, изменения во внешней политике США при президенте Дональде Трампе и сохраняющаяся неопределённость в отношениях между США и Китаем. Эти вопросы закладывают определённый потенциал для трёхстороннего сотрудничества, поскольку Москва, Пекин и Нью-Дели стремятся застраховать себя от нестабильности международной среды. Однако более привычные и осязаемые двусторонние отношения, по всей видимости, останутся предпочтительной формой взаимоотношений между ними.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ИСТОРИЧЕСКИЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ	8
ТРИО АСИММЕТРИЙ.....	11
НОВЫЕ СТРУКТУРЫ, СТАРЫЕ ПРИВЫЧКИ	22
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕМЫ.....	29
ПЕРСПЕКТИВА НА БУДУЩЕЕ: НАЧАЛО ИЛИ КОНЕЦ ТРИЛАТЕРАЛИЗМА?.....	36

Введение

Поскольку руководимая США международная система трещит по швам под воздействием множественных вызовов и внутренних трений, возникают споры о том, что может прийти ей на смену. Много говорится о новом многополярном порядке или полицентричной системе¹, а также о «постамериканском мире» или «великой конвергенции», в которой США остаются ведущим игроком, но где власть и влияние оказываются раздроблены между разными центрами². Возможно также, что новая система так и не возникнет, уступив место «новому мировому беспорядку», характеризующемуся изменчивостью и неопределённостью³.

Этим сценариям ещё только предстоит реализоваться. Однако сегодня уже ясно то, что отношения между Россией, Китаем и Индией, по всей видимости, окажут на эти страны значительное влияние. На наших глазах создаётся матрица постамериканского мира, в которой взаимодействия между этими тремя странами – временами на почве сотрудничества, временами конкурентные – оказывают растущее влияние не только друг на друга, но и на международную систему в целом.

В данной статье рассматривается вопрос о *масштабе и характере этого влияния*, избегая при этом соблазна повторить привычные клише о «неизбежном» упадке Запада, неумолимом подъёме Китая и «сдвиге глобальной силы на Восток». На сегодняшний день Китай и Индия являются двумя наиболее быстро растущими державами в мире, однако их влияние на международное управление остаётся далеко не очевидным. Считается, что Россия и Китай образуют «авторитарную Антанту», но даже если это так, было

Переведено с английского Натальей Киселевой-Туле.

1. См., например, речь Министра иностранных дел России Сергея Лаврова на 71-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 23 сентября 2016 года // <http://russiaun.ru>.

2. *Zakaria F.*, *The Post-American World*. Norton. 2009; *Mahbubani K.*, *The Great Convergence: Asia, The West, and The Logic of One World*. Public Affairs. 2013.

3. *Ло Б.*, *Russia and the New World Disorder*. Brookings and Chatham House. 2015. Американский советолог Кен Джовитт предложил оригинальный термин «новый мировой беспорядок» для описания более изменчивой и неопределённой международной среды, присущей периоду после окончания холодной войны. *Jowitt K.*, *New World Disorder: The Leninist Extinction*. University of California. 1992.

бы неверно предполагать, что они воспринимают мир одинаково и что их интересы естественным образом совпадают. Реальность намного сложнее, чем её рисует подобный упрощённый подход. Влияние, оказываемое Россией, Китаем и Индией, неравнозначно и зачастую с трудом поддаётся определению. Их многочисленные взаимодействия – двусторонние, трёхсторонние, а также в рамках многосторонних структур – представляют изменчивую и противоречивую картину. Помимо консенсуса о «демократическом мировом порядке», между ними существуют принципиальные различия во взглядах, подчас конфликтующие приоритеты и интересы, а также существенная стратегическая неопределённость.

Структура

Статья состоит из пяти частей. В первой части рассматриваются исторический и концептуальный контекст динамики отношений между Россией, Китаем и Индией, основанный на различных традициях и идеях, главная из которых заключается в классическом уравнивании великих держав, как друг друга, так и в отношениях с внешними игроками, в первую очередь, США. Кремль стремится возродить идею Евгения Примакова о создании оси Москва-Пекин-Нью-Дели в противовес «гегемонии» Вашингтона. В то же время, существуют более «современные» – и не столь откровенно конкурентные – интерпретации трилатерализма в более позитивном ключе, а именно, как сотрудничество в продвижении более эффективного и справедливого управления. Существуют и гибридные варианты, такие как рамки БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), где взаимосвязываются темы геополитики, управления и развития⁴.

Вторая часть статьи посвящена тройке двусторонних отношений, составляющих матрицу Россия-Китай-Индия. Несмотря на различия в их характере и весе, между ними существует по меньшей мере одно сходство: все они определяются как асимметричные. Подробно изученная в случае китайско-российских отношений⁵, эта асимметричность характерна и для взаимодействий между Китаем и Индией, а также между Индией и Россией. Важно понять, насколько эти отношения, какими бы они ни были неравными, составляют

4. См. Ло Б., Иллюзия сближения: Россия, Китай и страны БРИКС // *Russie.Nei.Visions*. № 92. Март 2016. www.ifri.org.

5. *Gabuev A.*, Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations after the Ukraine Crisis // *Carnegie Moscow Center Report*. Июнь 2016. // <http://carnegieendowment.org>.

основу формирующейся сети сотрудничества, или же их противоречия предвещают нарастание конфликтности в матрице.

В третьей части рассматриваются различные структуры сотрудничества между Россией, Китаем и Индией, такие как «тройка» министров иностранных дел, а также различные формальные и неформальные соглашения, в частности, БРИКС, в поисках ответа на вопрос о том, предлагают ли эти институты приемлемую основу для реформированной модели глобального управления, или же их функции гораздо более скромны и сводятся к посредничеству или нейтрализации двусторонних разногласий и напряжённости, скрывающихся за фасадом заявляемой общности взглядов.

В четвёртой части обозначаются несколько основных тем российско-китайско-индийских отношений, среди которых главная роль, которую играет во внешней политике этих стран новый или обновлённый глобализм, вопросы стратегического доверия и недоверия, инструментальные соображения, фрагментация интересов в сферах политики, экономики и безопасности, а также роль внешних игроков.

Наконец, рассматривается вопрос о том, в каком направлении может эволюционировать матрица Россия-Китай-Индия в ближайшие 5-10 лет. Заманчиво выглядит возможность предложить «судьбоносные» сценарии – либо великую неамериканскую (или даже антиамериканскую) конвергенцию между Россией, Китаем и Индией, либо непреодолимое наращивание стратегической напряжённости и конфронтации между ними. Однако, в конечном итоге, будущее может стать лишь версией настоящего в том смысле, что сочетание сотрудничества и соперничества может оказаться на удивление стабильным.

Исторический и концептуальный контекст

Идея треугольника Россия-Китай-Индия появилась относительно недавно. Хотя все три страны никогда не принадлежали к так называемому «западному лагерю», они также никогда не представляли консенсуса, способного предложить альтернативу Западу. Китай и Индия принимали участие в Бандунгской конференции 1955 года, заложившей основу Движения неприсоединения (NAM), но их отношения были испорчены вследствие вторжения Китая в северные районы Индии в ходе пограничного конфликта в 1962 году. Советский Союз и Китай в 1950-х годах были связаны так называемой «нерушимой дружбой», развалившейся уже к 1960-му году, уступив место трём десятилетиям стратегической конфронтации, а иногда и вооружённого противостояния. Советско-индийские отношения, во многом позитивные, не были союзническими даже в свои лучшие времена, а после развала СССР и вовсе резко пошли на спад.

На этом малоперспективном фоне, Евгений Примаков, в то время занимавший пост премьер-министра России, в ходе своего визита в Индию в декабре 1998 года предложил идею создания оси Москва-Пекин-Нью-Дели. Примаков ясно выразил свою цель – построить новый консенсус в противовес гегемонической силе США и их тенденции к одностороннему подходу. Китайско-российское «стратегическое партнёрство» уже двигалось в этом направлении, но Примаков счёл важным вовлечь в это движение Индию, отчасти в силу её растущего стратегического веса, но, главным образом, для повышения нормативной и политической привлекательности многополярности и укрепления её легитимности.

К сожалению для Примакова и других сторонников постамериканского многополярного порядка, Нью-Дели отклонил эту идею. Одной из причин негативной реакции Индии была напряжённость в отношениях с Пекином по пограничному вопросу и в связи с прямой поддержкой Китаем Пакистана в спорном регионе Кашмир. Другим фактором было нежелание Индии позволить втянуть себя в геополитические игры. Она была обеспокоена риском стать заложницей откровенно антиамериканской повестки и

отклониться от своей традиционной позиции неприсоединения. И хотя осуждение Америкой проведённых Индией годом ранее ядерных испытаний вызвало рост напряжённости в отношениях с Вашингтоном, Индия не была готова взять на себя подобные обязательства⁶.

После отказа Индии, идея Примакова была заморожена. Администрация Ельцина переключилась на другие приоритеты, а после прихода к власти Путина Кремль направил свои усилия на улучшение отношений с Западом, чему способствовала ситуация, создававшаяся после событий 11 сентября 2001 года. Даже после Оранжевой революции и критики Путиным политики США на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 года⁷, взгляды Москвы оставались в основном ориентированными на Запад. Индия находила лишь весьма слабое отражение в российском стратегическом мышлении и идея о треугольнике Россия-Китай-Индия казалась канувшей в лету, даже несмотря на создание в сентябре 2001 года «тройки» министров иностранных дел РИК.

Новые катализаторы

Однако в последние годы сочетание нескольких событий привело к возрождению трёхсторонних отношений. Главными из них стали финансовый кризис 2008 года и продолжительный спад во многих западных экономиках, незамедлительно поставившие под сомнение легитимность мирового порядка под эгидой США и открывшие пространство для серьёзного поиска альтернативных механизмов глобального управления. Идея о том, что Москва, Пекин и Нью-Дели могут сотрудничать по крупным международным вопросам стала одновременно необходимой и более реалистичной. Неслучайно именно в это время началось ускорение развития институциональных рамок БРИКС.

Другим важным событием стало возникшее в России в конце 2011 – начале 2012 года протестное движение против режима Путина, пошатнувшее самоуверенность Кремля и подтолкнувшее его в антизападном направлении. Так, Соединённые Штаты были обвинены в попытке спровоцировать смену режима в России, а взор Путина вновь обратился к Азии, что отразилось в его широко

---

6. См. *Pant H.*, The Moscow-Beijing-Delhi Strategic Triangle: an Idea Whose Time May Never Come // *Crossroads*. Т. 5. № 2. 2005. Сс. 19-46.

7. Putin's Prepared Remarks at 43rd Munich Conference on Security Policy. 12 февраля 2007. www.washingtonpost.com.

разрекламированной статье в феврале 2012 года, где он подчеркнул глобальную роль Китая и Индии, а также значимость Азиатско-Тихоокеанского региона в целом⁸. Хотя московский «поворот на Восток» оказался главным образом риторическим, стратегическое сотрудничество между Россией, Китаем и Индией вернулось в международную повестку Кремля.

Аннексия Крыма и военное вмешательство на юго-востоке Украины, а также введение западных санкций в отношении России сыграли роль дополнительных катализаторов. В глазах России Европа впервые заняла место рядом с США как часть большого враждебного Запада. При этом Восток, главным образом Китай и Индия, стал превозноситься как противовес Западу во всех аспектах: политическом, экономическом, стратегическом и нормативном.

Бесспорно, желания Кремля не всегда реализуются. Так, его стремление получить поддержку Индии и Китая в борьбе с Западом встречает многие из тех препятствий, с которыми столкнулся Примаков в 1998 году, а именно, недостаток энтузиазма Нью-Дели и стратегическую осторожность Пекина. В этих обстоятельствах, главным концептуальным вызовом для Москвы выступает необходимость согласовать (или, по меньшей мере, замаскировать) противоречия между откровенно геополитической целью – создание противовеса Соединённым Штатам – и повесткой, нацеленной на улучшение глобального управления. Этот вопрос имеет ключевое значение не только для поиска международной легитимности, но и на практическом уровне среди самих партнёров. Чрезмерный акцент совместной повестки на геополитическом уравнивании и противодействии интересам США отпугнёт Нью-Дели и вызовет опасения Пекина, в то время как при полном отказе от геополитических целей трёхсторонние отношения теряют привлекательность для Москвы. Как мы увидим далее, создание «тройки» министров иностранных дел стало попыткой сбалансировать эти предпочтения, позволяя каждой из сторон ориентировать процесс по собственному усмотрению.

---

8. Путин В., Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012, <http://www.mn.ru>.

Трио асимметрий

Как было сказано выше, одной из главных особенностей отношений внутри матрицы Россия-Китай-Индия является их асимметричность, которая оказывает решающее влияние на их различные взаимодействия и стратегические подходы.

Китайско-российские отношения: условная «антанта»

Независимо от того, какое определение дать китайско-российским отношениям – «объемлющее стратегическое координационное партнёрство», «авторитарная антанта» или «ось приспособления»⁹ — не вызывает сомнения тот факт, что они являются наиболее влиятельными из трёх составляющих элементов матрицы Россия-Китай-Индия. Повестка двустороннего сотрудничества России и Китая наиболее обширна и продвинута, а личные и институциональные связи значительно крепче, чем в двух других отношениях. Китай является вторым после ЕС крупнейшим торговым партнёром России¹⁰, в то время как Россия стала на сегодняшний день крупнейшим поставщиком нефти в Китай¹¹. Быстрыми темпами развивается военное сотрудничество, особенно на фоне недавних продаж многофункциональных истребителей Су-35 и ракетных систем С-400¹², а также широко освещённых в СМИ совместных

---

9. См. China and Russia: the World's New Superpower Axis? // The Guardian. 7 июля 2015. *Lo B.*, Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and The New Geopolitics. Brookings and Chatham House. 2008.

10. Двусторонняя торговля составляла 95 млрд. долл. США в 2014 году, прежде чем опуститься до 68 млрд. долл. США в 2015. В 2016 году рост частично восстановился, в основном за счёт китайского экспорта в Россию. См. Chinese-Russian Trade Grows 2.2% in 2016 – customs data // Sputnik. 13 января 2017. <https://sputniknews.com>.

11. На Россию приходится около 13-14 процентов общего импорта Китая, что слегка превышает показатель Саудовской Аравии. См. Russia Steals Saudi's Crown as China's Top Oil Supplier // RT. 3 февраля 2016. <https://www.rt.com> Решающим событием стало заключённое в июне 2013 года между Роснефтью и КННК (Китайская национальная нефтегазовая корпорация) соглашение по поставкам нефти, предусматривающее поставку 360 млн. тонн нефти за 25-летний период.

12. *Clover C.*, Russia Resumes Advanced Weapons Sales to China // Financial Times. 3 ноября 2016. www.ft.com

военных учений¹³. Москва и Пекин весьма критично относятся к одностороннему подходу США и западному либеральному интервенционизму и выступают против некоторых конкретных действий Запада, таких как поддержка цветной революции на Украине, попытки свержения режима Асада в Сирии и развёртывание установок ПРО в Восточной Европе и Северо-Восточной Азии. Они также разделяют схожие взгляды на контроль за Интернетом и «информационную безопасность¹⁴». На поверхностный взгляд китайско-российские отношения выглядят как никогда тесными и конструктивными. Возможно, это ещё не союзничество, но несомненно подлинное и продолжающееся укрепляться стратегическое партнёрство¹⁵.

Однако внешнее впечатление может быть обманчивым. Наряду с несомненно позитивными аспектами китайско-российских отношений проявляются и некоторые их значимые негативные моменты, важнейшее из которых – растущее неравенство партнёров, в котором все больше выделяется Китай. Например, китайская Инициатива пояса и пути (*Belt and Road Initiative, BRI*) угрожает давно сложившемуся стратегическому приоритету России в Центральной Азии, а нынешнее глобальное пресыщение энергетических рынков позволяет Пекину диктовать свои условия в сфере долгосрочного газового сотрудничества, несмотря на обещания, содержащиеся в подписанном в мае 2014 года соглашении о поставках газа¹⁶. Этот дисбаланс ещё не достиг критических пропорций и обе стороны больше заинтересованы в подчёркивании своего стратегического согласия, а не зарождающегося соперничества. Для Москвы главной заботой на сегодняшний день являются США, в то время как Пекин больше сосредоточен на проецировании мощи в Азиатско-Тихоокеанском регионе, чем на оспаривании российского влияния в Евразии. Тем не менее, подобные дисбалансы могут стать более существенными по мере увеличения экономического и

---

13. Речь идёт о «Joint Sea 2015» в восточной части Средиземного моря, «Joint Sea II» в Японском море и недавнем «Joint Sea 2016» в Южно-Китайском море.

14. Это отразилось, например, в совместном заявлении двух президентов: Cooperation in Information Space Development // China Daily. 26 июня 2016. www.chinadaily.com.cn. См. также Soldatov A., Borogan I., Putin brings China's Great Firewall to Russia in cybersecurity pact // The Guardian. 29 ноября 2016. www.theguardian.com

15. Порывая с прошлым, некоторые китайские политические аналитики призывают Пекин отказаться от своей сдержанности в отношении к союзам вообще и заключить альянс с Россией. См. интервью с Яном Суетонгом (Yan Xuetong) в New York Times. 9 февраля 2016.

16. Это соглашение предусматривает поставки 38 млрд. куб. м газа в год на 30-летний период и его транспортировку через новый газопровод «Сила Сибири» из Восточной Сибири на северо-восток Китая.

технологического разрыва между двумя «стратегическими партнёрами» и расширения горизонтов китайской внешней политики.

Вторым значимым негативным моментом является тот факт, что за фасадом китайско-российской конвергенции скрываются фундаментальные различия взглядов на характер и требования международной системы. Москва и Пекин, в принципе, сходятся во мнении о необходимости создания многополярного порядка или «полицентричной системы международных отношений». Однако они по-разному интерпретируют эти понятия. Если Москва воспринимает мир в основном в терминах триполярности, сформированной прежде всего равновесием сил между США, Россией и Китаем, точка зрения Китая соответствует, скорее, соглашению типа «биполярность плюс», где доминируют единственные по-настоящему глобальные отношения между США и Китаем. Если Кремль верит в неминуемую гибель руководимого США мирового порядка, Чжуннаньхай проявляет большую осмотрительность как в диагнозе, так и в выводах для китайской политики. Совсем не предпринимая попыток сместить Вашингтон с роли мирового лидера, Пекин стремится действовать в рамках общих параметров существующей международной системы, настаивая лишь на повышении в ней его собственного авторитета. Китай также понимает, что является крупнейшим бенефициаром глобализационных процессов, проводимых Западом на протяжении трёх последних десятилетий. Более того, Китай даже выражает недовольство стремлением Запада повернуть вспять тенденцию к глобализации и рыночной либерализации, и эта тема, по всей вероятности, зазвучит громче в случае, если избранный президент США Дональд Трамп выполнит своё предвыборное обещание «защитить рабочие места американцев¹⁷». В этом позиция Китая полностью расходится с точкой зрения России, которая считает себя жертвой глобализации и поэтому демонстрирует приверженность идее свержения существующего мирового порядка, при этом всё больше ориентируя собственную модель развития внутрь страны.

---

17. Trump Details 7-Point Plan «To Protect American jobs» // Fox News. 24 октября 2016. <http://insider.foxnews.com>. Президент Китая использовал платформу форума в Давосе в 2017 году, выступив в качестве защитника свободной торговли на глобальном уровне. Xi Jinping delivers robust defence of globalisation at Davos // Financial Times. 17 января 2017. <https://www.ft.com>.

Авторитарные режимы в Москве и Пекине воспринимают мир реалистично. Они верят в актуальность геополитики и необходимость военной силы. Их глубоко раздражают западные нравоучения о ценностях, верховенстве закона и достойном управлении, за которыми они усматривают откровенное лицемерие и скрытые геополитические и коммерческие интересы. Однако когда дело доходит до воплощения этого негодования в конкретные действия, их подходы явно контрастируют. Россия продемонстрировала растущую расположенность к использованию вооружённой силы – в Грузии в 2008, на Украине в 2014 и в Сирии с 2015 года. Со своей стороны, Си Цзиньпин до последнего времени воздерживался от подобных средств, предпочитая использовать лишь *потенциальную* военную угрозу для обеспечения соблюдения интересов Китая. Хотя эта позиция может измениться, сегодняшняя относительная умеренность Пекина (по сравнению с Россией), отражает более осторожный, не склонный к риску подход, а также уверенность в своей способности эффективно использовать другие инструменты, такие как программы помощи развитию, широкомасштабная торговля и инвестиции, а также культурная дипломатия. Показательно, что даже если Китаю в какой-то степени оказался на руку кризис в отношениях между Россией и Западом вследствие аннексии Москвой Крыма и военной интервенции в Сирии, эти действия России вызвали у него некоторое беспокойство¹⁸.

Несмотря на внешнее сходство, подходы России и Китая к сотрудничеству с США сильно отличаются. Москва демонстрирует снижение интереса к этому сотрудничеству, за исключением специфических случаев, таких как соглашение по «деконфликтации» в Сирии. Эта позиция частично объясняется скромным экономическим содержанием российско-американских отношений, даже до введения западных санкций против Москвы. Но она подчёркивает также решимость Кремля сократить до строгого минимума зависимость от государства, однозначно идентифицируемого многими в России в качестве враждебного. Позиция Пекина прямо противоположна. Несмотря на растущее напряжение в западной части Тихого океана, он продолжает воспринимать сотрудничество с Соединёнными Штатами как

---

18. Даже сторонники китайско-российского союза, такие как Ян Сюетонг (Yan Xuetong), предостерегают против втягивания Пекина во внешнеполитические авантюры: «Китай должен проявить большую осторожность относительно участия в вооружённых конфликтах на Ближнем Востоке и извлечь урок из военного участия России в Сирии» (интервью в The New York Times от 22 февраля 2016 года www.nytimes.com). Эту озабоченность выражают большинство китайских наблюдателей.

принципиально важное в силу тесной взаимозависимости двух стран. В результате, их двустороннее взаимодействие осуществляется одновременно в трёх режимах – сотрудничество, конкуренция и конфронтация – первый из которых остаётся преобладающим.

Различия в отношении России и Китая к международному порядку, глобализации и США ограничивают их способность – и желание – стратегической координации. Одно дело проводить совместные военно-морские учения в восточном Средиземноморье или в западной части Тихого океана, и совсем другое выступать в качестве сплочённого антиамериканского блока в региональных и глобальных делах. Симптоматично, что в то время как российские политики и аналитики имеют обыкновение рекламировать российско-китайское сближение как аргумент в антизападной конфронтации, китайцы старательно сглаживают темы, бросающие вызов западным интересам и ценностям¹⁹.

В итоге, Москва и Пекин преследуют собственные цели, которые сходятся по одним пунктам и расходятся по другим. Они согласны друг с другом в оценке недостатков руководимой США международной системы, но не в том, что могло бы её заменить. Они находят общий интерес в максимизации своего «стратегического» партнёрства, но имеют разные представления о том, как оно могло бы развиваться в долгосрочной перспективе: одна сторона воображает равный брак, другая – свободные отношения, в которых Китай несомненно играет роль старшего партнёра. Эти контрасты актуальны не только на двустороннем уровне, но и, как мы увидим далее, имеют далеко идущие последствия для осуществимости альтернативных «моделей», таких как БРИКС или РИК, в качестве основы глобального управления.

Китай и Индия: фрагментированное партнёрство

Китайско-индийские отношения демонстрируют двойную асимметрию. Первая из них закономерна, поскольку Китай является доминирующим партнёром в этих отношениях. Его экономика в пять раз превышает индийскую, он обладает значительно большей военной мощью и, в отличие от Индии, является членом «группы пяти» Совета Безопасности ООН. Кроме того, баланс двусторонней торговли сильно нарушен в пользу Китая. Эта однобокость очевидна

---

19. *Ying Fu*, How China sees Russia // Foreign Affairs. Январь-февраль 2016 . С. 97.

также и в отношениях двух стран друг к другу. Неудивительно, что Китай оказывает значимое влияние на индийское политическое сознание, в то время как Индия до недавнего времени едва присутствовала в китайском публичном дискурсе²⁰.

Другая форма асимметрии заключается в противопоставлении расширяющихся торговых связей и нарастающих проблем в сфере политики и безопасности. Это расхождение стало ещё более явным после внушительной победы Нарендры Модии из Бхаратия Джаната Парти (БДП) на всеобщих выборах в Индии в 2014 году. С одной стороны, Китай стал крупнейшим после ЕС торговым партнёром Индии и перспективы будущего развития сотрудничества выглядят благоприятно²¹. С другой стороны, это позитивное развитие омрачено серьёзными политическими разногласиями.

Важнейшие из них касаются Кашмира и активной поддержки Китаем Пакистана в рамках обширных союзнических отношений между Пекином и Исламабадом, включающих такие крупные совместные предприятия как Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), связывающий западный Китай с Аравийским морем и Индийским океаном²². С точки зрения Нью-Дели, Китай непосредственно причастен к обострению прямой и жизненно важной угрозы существованию Индии.

Существуют и другие проблемы. Кровоточащей раной остаётся пограничный спор вокруг Аруначал-Прадеш, не столько из-за ничтожно малой фактической территории, сколько по причине уверенности Нью-Дели в том, что Пекин намеренно оставляет этот вопрос нерешённым, чтобы использовать фактор угрозы безопасности

---

20. *Xin Li*, *India Through Chinese Eyes* // World Policy Institute. Зима 2013. www.worldpolicy.org. Асимметричность позиций также находит отражение в явном комплексе превосходства Китая по отношению к Индии и индийцам. См. *Shulong Chu*, *A Chinese Take on India's Eastward Strategy and its Implications* // ASAN Forum. 29 августа 2016. www.theasanforum.org

21. Двусторонняя торговля составляла в 2015 году 71,6 млрд. долл. США. Однако необходимо отметить сильный крен торгового баланса в пользу Китая. См. *Patranobis S.*, *Indian trade deficit with China rises to \$45 billion mark* // Hindustan Times. 13 января 2016. www.hindustantimes.com

22. Соглашение о КПЭК (Китайско-пакистанский экономический коридор) было заключено в ходе визита Си Цзиньпина в Пакистан в апреле 2015 года. Оно является частью обширной инициативы Китая «Один пояс и один путь» и нацелено на объединение ряда инфраструктурных проектов. Запланированные инвестиции достигают 46 млрд. долл. США, однако проект всё ещё находится на самом начальном этапе и для его развития потребуются преодолеть серьёзные трудности материально-технического и политического характера, а также проблемы в сфере безопасности. См. *Dasguptal S.*, *Chinese Daily Warns of Setbacks to China-Pakistan Economic Corridor* // The Times of India. 14 сентября 2016. <http://timesofindia.indiatimes.com>.

Индии как способ влияния на неё²³. Это, в свою очередь, связывается с более широким вопросом растущего стратегического присутствия Китая в Южной Азии, наиболее заметного в так называемой «нитке жемчуга» – расширение военно-морского присутствия Китая от Мьянмы через Бангладеш (Читтагонг), Шри-Ланку (Хамбантота) и Пакистан (Гвадар) до Джибути – но проявляющегося также в расширении военных связей со всеми соседями Индии, включая страны, не имеющие выхода к морю, такие как Непал. Основной эффект усиления стратегического присутствия Китая заключается в росте нервозности Индии относительно её возможного стратегического сдерживания и даже блокады²⁴.

Большинство из этих трений существует на протяжении многих лет. Однако правительство Моди проявляет гораздо более активную реакцию на это давление, чем предшествовавшая ему администрация Партии конгресса. Если раньше Нью-Дели имел обыкновение проявлять особую осторожность по отношению к чувствительности Китая в сфере безопасности и стратегии, преуменьшая значимость собственных проблем, сейчас он активно стремится противостоять китайским действиям в Южной Азии и в Индийско-Тихоокеанском регионе в целом²⁵.

Примером тому служит беспрецедентное стратегическое сближение Индии с США. Периоды их тесного взаимодействия имели место и в прошлом, в частности, вследствие решения Джорджа Буша в 2005 году о возобновлении мирного ядерного сотрудничества, однако дипломатия Моди указывает на возможный тектонический сдвиг во внешней политике Индии. Впервые в своей истории, Нью-

---

23. Это хорошо выразил несколько лет назад выдающийся индийский эксперт Брахма Челлани: «неопределённая, местами расплывчатая граница хорошо согласуется с интересами [Пекина] в отношении Индии. Во-первых, статус-кво помогает Китаю оказывать на Индию стратегическое давление. Во-вторых, он удерживает вдоль Гималаев сотни тысяч индийских военных, которых в противном случае можно было использовать против «постоянного союзника» Китая – Пакистана... В-третьих, нерешённый пограничный вопрос даёт Пекину возможность накалить военную обстановку на и без того напряжённой границе в случае, если Индия осмелится разыграть карту Тибета или вступить в откровенно антикитайский военный союз с США». См. *Chellaney B., Asian Juggernaut*. Harper. 2010. С. 170.

24. Похоже, с недавнего времени часть китайских аналитиков признаёт, что в Пекине видят потенциал выгодного применения этого рычага воздействия: «Сближение в отношениях между Китаем и Бангладешем может быть не такой уж плохой идеей для оказания некоторого давления на Нью-Дели, чтобы заставить его переосмыслить свою стратегию в Южной Азии и стимулировать его к приложению больших усилий для улучшения отношений с Китаем». *Weijia Hu, India Has Nothing to Fear from Closer Relationship between China and Bangladesh* // Global Times. 12 октября 2016, www.globaltimes.cn.

25. *Raja Mohan C., Delhi Seems Ready to Compete with Beijing Where it Must and Cooperate Where it Can* // Indian Express. 16 апреля 2016. <http://indianexpress.com>.

Дели отходит от заложенной Неру традиции неприсоединения в сторону фактической ассоциации с США, в ответ на растущие мощь и зону влияния Китая²⁶. При этом Индия отклоняется от своего предпочтения многосторонних международных отношений и начинает воспринимать геополитику как необходимость. Это отражается, прежде всего, в призыве Моди к тому, чтобы Индия перестала быть «всего лишь уравнивающей силой, но взяла бы на себя лидирующую роль в мире»²⁷. Развивающиеся политические и военные связи Нью-Дели с Токио также соответствуют этой тенденции. Китай, если он и не рассматривается как враг, представляет всё же главный стратегический вызов Индии, который невозможно игнорировать²⁸.

Исход этой ситуации может изменить правила игры в матрице Россия-Китай-Индия. В контексте всё более беспорядочного мира, они предвещают нарастание противоречий и напряжённости. Нет серьёзных оснований полагать, что с этими противоречиями возможно будет справиться, во всяком случае, без напряжённых усилий с обеих сторон. Стратегическое соперничество между Китаем и Индией вполне может стать более явным и многомерным и повлечь увеличение риска непредвиденных последствий²⁹.

Россия и Индия: скудность отношений

Отношения между Москвой и Нью-Дели наименее существенны в матрице Россия-Китай-Индия. Несмотря на то, что Индия является крупнейшим покупателем российского оружия и две страны тесно сотрудничают в гражданском ядерном секторе, двусторонняя торговля между ними остаётся весьма скромной (менее 8 млрд. долларов в 2015 году)³⁰. Обе страны находятся на нижней позиции во взаимном списке внешнеполитических приоритетов. К

---

26. *Tellis A.*, The Whirlwind in Washington // *India Today*. 19 июня 2016. <http://carnegieendowment.org>.

27. Послание премьер-министра главам дипломатических миссий Индии. 7 февраля 2015. <http://pib.nic.in> Более подробное обсуждение этой концепции см. в *Tellis A.*, *India as a Leading Power* // *Carnegie Endowment for International Peace*. 4 апреля 2016. <http://carnegieendowment.org>.

28. *Raja Mohan C.* Op. cit. [25].

29. Чу Шулонг прямо заявляет, что «Китаю не понравится, если Индия начнёт играть серьёзную роль в вопросах безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, касающихся Китая». См. *Shulong Chu*, *A Chinese Take on India's Eastward Strategy and its Implications*. Op. cit. [20]. Учитывая, что Пекин признаёт свой явно выраженный интерес к практически всем вопросам, касающимся Азиатско-Тихоокеанского региона, это можно воспринимать как общее предупреждение Индии о «невмешательстве» в дела региона.

30. *Bilaterals Relations: India-Russia Relations*. Июль 2016. <http://www.indianembassy.ru>.

примеру, «поворот на Восток» Москвы был ориентирован в первую очередь на Китай, а затем распространился на Японию, Южную Корею, Вьетнам и Восточную Азию. Нью-Дели, под руководством как партии Конгресса, так и БДП, остаётся сосредоточенным на региональных проблемах, многосторонней дипломатии и отношениях с США. Хотя некоторые индийцы с ностальгией оглядываются на эпоху советско-индийской дружбы при Леониде Брежневе и Индире Ганди, в последнее время Россия появляется в индийской внешней политике лишь периодически и периферически³¹.

Это относительное пренебрежение друг другом частично объясняется длинным списком более выраженных приоритетов. Однако другая ключевая причина заключается в доминирующем присутствии Китая в стратегических расчётах каждой из двух стран. Политика «Китай прежде всего», которую Москва проводит в Азии, оказала сдерживающее влияние на взаимодействия России с другими азиатскими игроками, особенно со странами, имеющими сложные отношения с Китаем, как в случае Индии и Японии. Несмотря на то, что в китайско-российских официальных заявлениях обычно говорится о выгодном для всех сотрудничестве и о том, что их отношения не направлены против третьих лиц, эти заверения являются слабым утешением для Нью-Дели. Поэтому, наблюдая за совместными военно-морскими учениями в Южно-Китайском море, индийское правительство предполагает худшее – а именно, что китайско-российское «стратегическое партнёрство» рискует превратиться в альянс или квази-альянс, оставляя Индию в проигрыше³². Подобное восприятие может быть ошибочным, но это не снижает силы его воздействия.

Аналогичным образом, стратегическое сближение Нью-Дели с Вашингтоном, в рамках которого Индия получает статус «крупнейшего партнёра США в сфере обороны», делает его отношения с Москвой (и с Пекином) всё более конфликтными³³. В то

---

31. *Shikin V.*, Russia-India Strategic Partnership: Have We Hit a Plateau? // Russian International Affairs Council. 16 ноября 2016. russiancouncil.ru. См. также *Zubacheva K.*, Russia and India: An Orphaned Relationship? // Russia Direct. 6 июля 2016. <http://www.russia-direct.org>.

32. Ibid.

33. Обозначение Индии как «крупнейшего партнёра в оборонной сфере» было сделано в ходе визита Моди в США в июне 2016 года: The United States and India: Enduring Global Partners in the 21st Century. <https://obamawhitehouse.archives.gov>. Предполагается, что этот статус позволит Индии получить доступ к оборонным технологиям США на уровне ближайших союзников Америки. См. *Raja Mohan C.*, Strategic Symphony // The Indian Express. 10 июня 2016. <http://indianexpress.com>. Он представляет собой

время как между Китаем и США нарастает напряжённость, особенно в Азии, а партнёрство Россия-США опустилось на самый низкий уровень с середины 1980-х годов, общая стратегическая ситуация отражает мышление в терминах скорее «нулевой», чем «положительной суммы». Сближение между США и Индией не только акцентирует опасения Китая относительно его возможного сдерживания, но и рискует подтолкнуть Москву в сторону Пекина в ущерб российско-индийскому сотрудничеству в сфере безопасности. Более того, Москва всё чаще обращается к Исламабаду, воспринимая Пакистан как во многом более полезного партнёра по безопасности, учитывая его тесные связи с Талибаном и другими исламистскими организациями³⁴. Эволюция позиции Москвы отразилась в состоявшихся в сентябре 2016 года первых в истории российско-пакистанских военных учениях. Несмотря на их скромный масштаб, имеет значение сам факт их проведения, не в последнюю очередь ещё и потому, что Москва проигнорировала возражения Индии³⁵.

И снова тема асимметрии оказывается ключевой. Несмотря на многочисленные проблемы, Россия остаётся гораздо более влиятельным игроком на международной арене, чем Индия. На двустороннем уровне обе страны не играют друг для друга решающего значения, особенно в сравнении с Китаем. Даже сферы тесного сотрудничества, такие как продажи оружия и гражданский ядерный сектор, сталкиваются с растущей западной конкуренцией на индийском рынке, созданной проводимой Моди активной политикой диверсификации. В кулуарах саммита БРИКС в Гоа в 2016 году Россия и Индия подписали соглашение о поставке ракетной системы С-400 (по некоторым сведениям, на сумму около 5 млрд. долларов США) и закладке фундаментов третьего и четвёртого блоков АЭС Куданкулам в Тамил-Наду. При этом, месяцем раньше, Нью-Дели и Париж заключили сделку по поставке истребителей Rafale (на сумму 7,87 млрд. евро), а в июне американская компания Westinghouse договорилась с Индией о строительстве шести ядерных реакторов нового поколения в штате Андхра-Прадеш. Теоретически, Москва и Нью-Дели заинтересованы в расширении своих политических и

конкретную реализацию документа «US-India Joint Strategic vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region», январь 2015 года. <https://obamawhitehouse.archives.gov>.

34. Russia, Pakistan Conduct First—Ever Joint Military Drills // RT. 27 сентября 2016. www.rt.com. См. также *Mitra D.*, As India Tilts Westwards, Russia Looks to Pakistan to Widen Its Strategic Options // The Wire. 13 октября 2016. <http://thewire.in>.

35. India conveys its displeasure with Russia-Pak military exercise // The Tribune. 11 октября 2016. www.tribuneindia.com. См. также *Zubacheva K.*, What's Wrong with the Russia-India Relationship? // Russia Direct. 25 сентября 2016. www.russia-direct.org.

экономических связей, не в последнюю очередь в целях повышения своей стратегической гибкости. Однако практические препятствия на пути к этому обескураживают и вынуждают обе стороны, в какой-то мере против их собственной воли, выбирать Китай в случае России, и США в случае Индии³⁶.

---

36. Коростиков М., Россия, Индия и Китай попытались найти что-то общее // Коммерсант. 19 апреля 2016. <http://kommersant.ru>.

Новые структуры, старые привычки

Перед лицом столь острых дисбалансов и зачастую некомфортабельного выбора, российские, китайские и индийские политики обращаются к трёхсторонним и, особенно, многосторонним структурам, призванным выступить посредниками для сглаживания различий и развития новых возможностей сотрудничества. Только за последние несколько лет мы стали свидетелями впечатляющего роста числа международных, региональных и субрегиональных организаций. В дополнение к уже существующим институтам, таким как группа Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Восточноазиатский саммит (ВАС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС и РИК, возникли «большая двадцатка», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), и китайская Инициатива «Один пояс и один путь».

Это явление косвенно подтверждает растущее сомнение в жизнеспособности существующего международного порядка с доминирующей ролью США. Независимо от их эффективности, подобные структуры отвечают реальному запросу на новые формы взаимодействия. В то же время, ответы России, Китая и Индии на этот запрос отражают их индивидуальные приоритеты. Желание Москвы лишить США глобального лидерства обуславливает её стремление лишить легитимности и вытеснить со сцены международные институты, в которых доминирует Запад, такие как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк. Интерес Пекина, напротив, заключается в реформировании этих органов, с тем, чтобы они приняли во внимание растущие статус и влияние Китая. С этой целью он готов развивать новые региональные структуры, такие как АБИИ, но лишь в качестве дополнения к существующему порядку. Интерес Нью-Дели более узок и ориентирован в основном на реформу Совета Безопасности ООН или, скорее, расширение «группы пяти» на Индию, так, чтобы она стала её полноправным постоянным членом с правом вето. Индия охотно участвует в западных структурах, таких как БРИКС, но вряд ли рассматривает их в качестве основы жизнеспособного западного порядка. Участвуя в этих структурах,

она, прежде всего, наблюдает за происходящим и демонстрирует своё присутствие, утверждая таким образом свою приверженность независимой внешней политике.

БРИКС

Расхождение российских, китайских и индийских национальных приоритетов мешают эффективному взаимодействию в рамках многосторонних организаций, что особенно заметно в БРИКС, где государства-члены испытывают явные трудности с переходом от риторики к реальному прогрессу. Помимо противоречивости взглядов на БРИКС, поскольку амбициозная повестка России контрастирует с более ограниченными и ориентированными на развитие целями Китая и Индии, существуют также значимые политические расхождения по таким вопросам, как широкое использование собственных валют для операций внутри БРИКС³⁷; борьба с терроризмом, где Китай и Индия занимают противоположные позиции по вопросу об участии Пакистана³⁸; а также по теме контроля за Интернетом, где принцип участия всех заинтересованных сторон («multistakeholderism»), которого придерживается Нью-Дели, не может не вступить в конфликт с государственно-центрированным подходом Москвы и Пекина к «информационной безопасности» и «суверенитету киберпространства»³⁹.

Создание Нового банка развития (НБР) и Резервного фонда для финансирования различных проектов развития стран БРИКС вызвало восторженную реакцию самих государств-членов БРИКС⁴⁰. Оно было воспринято как переломный момент, превративший группу из совещательного органа в организацию, способную принимать реальные решения. Однако прогнозируемые расходы новых структур остаются весьма скромными, поскольку каждый член БРИКС обязуется в течение семи лет внести 2 млрд. долларов, что не идёт ни в какое сравнение с суммами, которые один лишь Китай инвестирует

---

37. *Vaidyanathan Iyer P.*, Why BRICS Trade in Local Currency Doesn't Work for India // Indian Express. 13 июля 2015. <http://indianexpress.com>.

38. Моди использовал саммит БРИКС в Гоа, чтобы обозначить союзника Китая Пакистан как, по сути, террористическое государство: India's Modi, at Summit, Calls Pakistan Mother–Ship of Terrorism // Reuters. 16 октября 2016. www.reuters.com.

39. *Tharoor S.*, The BRICS Summit: A Look at Some of the Issues // Huffington Post. 13 июля 2015. www.huffingtonpost.com. См. также *Sukumar A.*, A BRICS vision for the internet // The Hindu. 9 июля 2015. www.thehindu.com; *Yuxi Wei*, China-Russia Cybersecurity Cooperation: Working Towards Cyber-Sovereignty // Jackson School of International Studies. 21 июня 2016. <https://jsis.washington.edu>.

40. О формальном создании НДБ и Резервного фонда было объявлено на саммите БРИКС в 2014 году в Форталезе (Бразилия). <http://brics.itamaraty.gov.br>.

в свой Фонд шёлкового пути (40 млрд. долларов), в АБИИ (50 млрд. долларов), или предоставляет отдельным странам-реципиентам (к примеру, 17 млрд. долларов, полученных Казахстаном к 2015 году⁴¹).

Несмотря на всю их ограниченность, создание НБР и Резервного фонда, по меньшей мере, показывает то, каким образом Россия, Китай и Индия могут сотрудничать в многосторонних структурах, а именно, снижая политический пафос и отдавая предпочтение экономическим связям и помощи развитию. Однако Москва едва ли хочет того, чтобы БРИКС пошёл по этому пути, где сравнительные преимущества Китая (экономические) оказываются более востребованными, чем преимущества России (политические и военные). Показательно, что Путин не делает секрета из своего желания превратить БРИКС в «полноценный механизм стратегического сотрудничества»⁴². То, что эта цель остаётся недостижимой, объясняется не недостатком решимости Путина, а обеспечением Китаем и Индией гарантии того, что БРИКС не превратится в антизападный блок⁴³.

ШОС

На протяжении долгого времени Пекин сопротивлялся попыткам России ввести Индию в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Его официальный аргумент заключался в том, что слишком большое число членов может подорвать слаженность организации, возникшей в 1996 году из соглашения «Шанхайской пятёрки» о мерах по укреплению доверия вдоль бывшей китайско-советской границы, включавшего Россию, Китай, Казахстан, Таджикистан и Киргизстан. Более конкретное – и реальное – опасение заключалось в том, что новые государства-члены могут привнести в повестку ШОС свои собственные конфликты, тем самым подрывая способность организации функционировать в качестве жизнеспособных рамок безопасности. К примеру, Иран не был допущен в ШОС по причине

---

41. Технически, каждый член БРИКС должен выделить 10 миллиардов долларов США в течение семи лет. Однако всего 2 млрд. долларов из этой суммы должны быть действительно внесены в качестве капитала, а остальное является резервом на случай возникновения чрезвычайной ситуации. См А. Гурьянова, *The BRICS New Development Bank outlines its major priorities*. Интервью с Л. Маасдорп, вице-президентом банка БРИКС, Russia Direct, 1 September 2016. <http://www.russia-direct.org>. См. также Ло Б., *Иллюзия сближения: Россия и страны БРИКС* // Russie.NEI.Visions. № 92. Март 2016. С.21. <https://www.ifri.org>.

42. *Putin Says BRICS Should Focus on Key World Issues* // Sputnik. 22 марта 2013. <https://sputniknews.com>

43. *Козлов П., Россия ждёт от лидеров стран ШОС и БРИКС поддержки против Запада* // Ведомости. 8 июля 2015. www.vedomosti.ru.

того, что находился под действующими санкциями ООН, а кандидатуры Индии и Пакистана были отвергнуты из-за продолжающейся между ними конфронтации в Кашмире⁴⁴. Существовали также и скрытые мотивы сопротивления Китая, не желавшего поставить под сомнение своё растущее первенство в организации, к чему собственно и стремилась Москва, отстаивая членство Индии.

Решение о вступлении Индии, принятое на саммите ШОС в 2016 году, представляет собой своего рода геополитический компромисс между Москвой и Пекином. Организация приобретает больший международный авторитет, но при этом баланс влияний внутри ШОС не меняется, поскольку вступление Индии уравнивается членством союзника Китая, Пакистана. Эти манёвры послужили напоминанием о том, что значение ШОС в большей степени связано с её символической функцией, чем с её реальным вкладом в региональную безопасность. Членство Индии и Пакистана не изменят эту реальность. Проблемы, которые ранее привели к откладыванию рассмотрения их членства – риск для формирования консенсуса и внесение дополнительного соперничества и конфликтов – более чем когда-либо остаются в силе, а напряжённость между Нью-Дели и Исламабадом, а также между Нью-Дели и Пекином за последние годы даже возросла.

«Тройка» РИК

Министры иностранных дел России, Китая и Индии встречаются ежегодно в формате «тройки» с 2001 года. В апреле 2016 года состоялась их 14-ая встреча. Регулярность этих встреч внушает оптимизм, поскольку отражает желание участников сосредоточиться на сферах взаимного согласия и поддержать функциональный уровень взаимодействия. К сожалению, этому институциональному постоянству не хватает конкретного содержания. Неизменно пресные коммюнике РИК изобилуют общими местами о «строгой приверженности принципам ООН», важности создания «справедливого и равноправного международного порядка, основанного на международном праве», а также содержат рутинное осуждение международного терроризма и наркоторговли и выражение озабоченности в связи с конфликтными ситуациями во всём мире, от Украины до Ближнего Востока и Афганистана.

44. *Piekos W., Economy E., The Risks and Rewards of SCO Expansion // Council on Foreign Relations (CFR). Expert Brief. 8 июля 2015. <http://www.cfr.org>.*

Подобные документы настолько повторяют дух и формулировки заявлений, принимаемых на ежегодных саммитах БРИКС, что некоторые российские наблюдатели ставят под сомнение полезность формата РИК⁴⁵. Возможно, эта критика указывает на то, что сам Путин воспринимает треугольник РИК главным образом как строительный блок для БРИКС⁴⁶.

Формализм функционирования РИК свидетельствует об отсутствии прогресса в трёхстороннем сотрудничестве. В какой-то мере подобно бесчисленным саммитам Россия-ЕС, смысл процесса сводится к разговорам о консенсусе при замалчивании многочисленных различий. Проблема, однако, заключается в том, что это шоу с каждым годом становится всё менее убедительным. Даже если степень общности мышления между Москвой и Пекином преувеличена, нет сомнений в том, что их близость намного теснее, чем связь каждого из них с Нью-Дели, из чего следует весьма однобокое функционирование «тройки» в её нынешнем виде, где Индия выступает в качестве несинхронизированного и маргинализованного «третьего колеса». Этот факт чётко проявился на последнем саммите БРИКС в Гоа, где Индия попыталась включить в совместное коммюнике осуждение государственной поддержки терроризма и роли базирующейся в Пакистане организации Джаиш-е-Мухаммат, которую она обвинила в совершении атаки на базу индийской армии в Кашмире, приведшей к гибели 19 солдат. Однако эта попытка провалилась перед лицом решительного противодействия со стороны Китая, поддержанного Россией⁴⁷. Подобные эпизоды показывают также, что любая мысль о том, что Москва способна выступить посредником между Пекином и Нью-Дели, остаётся сугубо гипотетической.

---

45. Комментарий Толорая Г. в *Коростиков М.* Op. cit. [36]

46. «Ему же [Примакову] принадлежит и идея выстраивания тесного взаимодействия в рамках стратегического треугольника Россия-Китай-Индия. Поначалу такое предложение было воспринято как нечто утопическое. Некоторые у нас в стране говорили о том, что это даже вредная идея. Однако сегодня мы видим, как быстро набирает вес и влияние в мире объединение БРИКС, начатое в трёхстороннем формате». Речь В. Путина на Заседании Международного форума «Примаковские чтения». 30 ноября 2016. www.kremlin.ru.

47. BRICS Summit: China Bulldozed India's Security Concerns as Russia Looked the Other Way // Times of India. 17 октября 2016. <http://timesofindia.indiatimes.com>.

Крупные многосторонние организации

Общее членство в АБИИ и «большой двадцатке», в дополнение к БРИКС, теоретически может открыть возможности для координации политики в некоторых сферах, таких как совместные действия по максимальному увеличению долей с правом голоса в МВФ и Всемирном банке. Но даже здесь возможности остаются ограниченными, поскольку китайская экономика намного превосходит российскую и индийскую и, следовательно, может претендовать на соразмерно большую долю. Несмотря на заявления всех трёх стран о своей приверженности примату ООН, международного права и «демократизации» международных отношений, дополнительную сложность представляет разрыв между преимущественно двусторонним подходом России и Китая с одной стороны, и традиции многосторонних отношений Индии с другой. Путин и Си Цзиньпин не единожды демонстрировали своё явное предпочтение взаимодействиям с минимальным участием сторон, как в Минском процессе по Украине или продвижении Китаем двусторонних переговоров по Южно-Китайскому морю. Это стремление к эксклюзивности отражается также и в их сопротивлении какой-либо существенной реформе Совета Безопасности ООН, в которой они видят риск эрозии и распыления их сегодняшних привилегий⁴⁸. Таким же образом, предпочтение Индией многосторонней дипломатии (за исключением отношений в своём ближайшем соседстве) едва ли бескорыстно. Она справедливо видит больше интереса в том, чтобы выступать глобальным актёром в многостороннем окружении, в то время как ей, со всей очевидностью, пришлось бы играть второстепенную роль в так называемом «соглашении великих держав», что уже подтверждают взаимодействия в рамках БРИКС.

Поэтому не стоит питать иллюзий относительно трёхстороннего сотрудничества в рамках крупных международных организаций, которое также сталкивается со сложнейшими препятствиями. Например, китайское авторство проекта АБИИ является сдерживающим фактором не только для Нью-Дели, но и для Москвы. Китай бесспорно выступает ведущим политическим и финансовым игроком, и его доминирующая позиция отражается в доле голосов,

---

48. Мнение «из первых рук» касательно обструкционизма «группы пяти», включая Россию и Китай, см. в *Mahbubani K., The Great convergence: Asia, The West, and the logic of one world.* Op. cit.[2] Сс. 112-116.

позволяющей ему по собственному желанию блокировать любые предложения⁴⁹. Поэтому даже проявляемая им сдержанность, объясняемая желанием легитимизации этой молодой структуры, не обязательно отражает результат широкого консенсуса, а вполне может быть его собственным решением.

С «большой двадцаткой» возникает другая, не менее сложная проблема. Хотя и Россия, и Китай, и Индия являются её членами, в группе продолжают доминировать ведущие западные экономики, как численно, так и с точки зрения финансового влияния. Теоретически, матрица РИК могла бы выступать внутри «двадцатки» как единая сплочённая сила, однако опыт показывает обратное, и нет никаких оснований полагать, что эта ситуация изменится в ближайшее время. При правительстве Моди индийская экономика становится более либеральной и глобализованной, что сближает её скорее с интересами развитых западных стран, чем с такими странами, как Россия, чья экономика всё больше замыкается на себе. В этих обстоятельствах, большее, на что реально могут рассчитывать Москва, Пекин и Нью-Дели, это их способность время от времени координировать свои действия в реализации определённых, но ограниченных, тактических целей.

---

49. *Huang C.*, Voting Rights Reflect Beijing's Leading Role in AIIB // South China Morning Post. 30 июня 2015. www.scmp.com.

Ключевые темы

Из этого краткого обзора различных двусторонних, трёхсторонних и многосторонних отношений с участием России, Китая и Индии можно выделить несколько основных тем. Важнейшая из них касается асимметрии возможностей, приводящей к тому, что три страны имеют различные перспективы и цели. Иногда, невзирая на различия, они способны сотрудничать и сосредоточиться на том, что их объединяет, например, противостояние американскому одностороннему подходу и западному интервенционизму⁵⁰. Они сходятся во мнении о том, что мир должен стать многополярным, как в силу того, что доминирование США в международной системе воспринимается ими как нездоровое (и всё более анахроничное), так и потому, что более «демократичный» мировой порядок предполагает приобретение ими самими большей влиятельности и более высокого статуса. Трудность, однако, заключается в том, чтобы трансформировать это восприятие в реальное сотрудничество, особенно в ситуации серьёзнейшего неравенства во взаимоотношениях между ними. Ещё до перехода к конкретным действиям, тема «стратегической координации» вызывает закономерный вопрос «на каких (или чьих) условиях»: идёт ли речь о предлагаемой Москвой тесной, квази-институциональной модели, о более гибких договорённостях, предусматриваемых Пекином, или о либеральном и менее политически нагруженном видении Нью-Дели?

Асимметричность сама по себе не исключает возможности конструктивного взаимодействия. Иначе как можно было бы объяснить успех США в поддержании сети альянсов и тесного стратегического партнёрства по всему миру на протяжении многих десятилетий? Точно так же, исторический контекст часто привлекается как универсальное объяснение неспособности стран сотрудничать друг с другом. Однако существует множество примеров, доказывающих, что старую вражду можно преодолеть, чему свидетельствует, например, эволюция франко-германской дружбы после второй мировой войны или, в более недавний период, китайско-российское сближение последней четверти века.

---

50. См., например, совместное коммюнике 14-ой встречи министров иностранных дел РИК. <http://www.mea.gov.in>.

Так почему же Россия, Китай и Индия не могут преодолеть, или, по крайней мере, взять под контроль, асимметричность своих отношений и их исторический контекст для достижения нового качества сотрудничества? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть некоторые другие факторы, определяющие их взаимодействие, а именно, стратегические амбиции и глобализация внешней политики каждой из этих стран, стратегическое недоверие и обеспокоенность проблемами безопасности, фактор инструментализации, а также сохранение центральной позиции США и руководимого ими мирового порядка.

Стратегические амбиции и недоверие

Наряду со многими очевидными различиями между Россией, Китаем и Индией, у них имеются и не менее важные общие характеристики. Одна из них – повышенные стратегические амбиции. Их готовность поставить под вопрос мировое лидерство США частично порождена неудовлетворённостью методами Вашингтона, но также отражает решимость выкроить для самих себя большую международную роль. Так, Москва стремится восстановить великодержавный статус России если не на уровне СССР, то, по крайней мере, на равных среди великих держав первого плана. Китай, на протяжении многих лет ограничивавший свою международную роль и ответственность из опасения взвалить на себя слишком большой груз, при нынешнем президенте демонстрирует гораздо более глобалистский и многомерный подход. Индия также горячо стремится к статусу «ведущей державы» и актёра мирового уровня⁵¹.

Между тремя столь амбициозными державами возрастает вероятность геополитической конкуренции, в то время как прежние «правила» и ограничения перестают быть обязательными. Такие конструкции, как привилегированные сферы интересов или влияния становятся всё более шаткими. Например, Москва может продолжать рассматривать постсоветскую Евразию в качестве собственного стратегического пространства⁵², но её доминирование в этой зоне неуклонно ослабевает по причине роста западного влияния, растущего стремления к суверенитету среди бывших советских

51. По некоторым оценкам, за два первые года у власти Моди предпринял по меньшей мере 40 поездок за океан. *Tellis A., NDA at 2: Modi's Unexpected Successes in Foreign Policy // Hindustan Times*. 25 мая 2016. www.hindustantimes.com.

52. Понятие государств как суверенных «пространственно-географических феноменов», оспаривающих друг у друга «пространство», обсуждается в *Sherr J., Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad*. Chatham House. 2013. С. 12.

республик и, более всего, быстрого расширения влияния Китая. Точно так же, историческое доминирование Индии в Южной Азии сталкивается с растущим вызовом со стороны Китая и вновь обретённой решительностью некогда податливых соседей, таких как Шри-Ланка, Бангладеш и Непал. Несмотря на то, казалось бы безудержную трансформацию Китая в мировую сверхдержаву, ему также приходится действовать в более сложной и изменчивой стратегической среде Азиатско-Тихоокеанского региона.

Хрупкость некогда универсальных конструкций приводит к существенному росту напряжённости. Даже при более благоприятных обстоятельствах было бы нелогичным для России – чья стратегическая культура на протяжении многих веков была сосредоточена на приоритете геополитики – перейти к более доброжелательной международной политике, построенной на принципе взаимной выгоды. Это особенно верно в ситуации, когда мир постоянно меняется, а ухудшение отношений Москвы с Западом достигло критического уровня. Хотя Пекин регулярно заявляет о своей приверженности принципам «взаимовыгодного» сотрудничества, он склонен приписывать другим самые низменные намерения, такие как стремление к стратегическому сдерживанию и блокаде у США и его союзников (особенно Японии). Знаменем времени является тот факт, что Нью-Дели, исторически избегавший геополитику как пережиток прошлого, демонстрирует теперь более «традиционные» взгляды, приписывая важное значение проецированию силы и стратегическому уравниванию. В связи с этим, он серьёзно обеспокоен последствиями китайско-российского сближения и возрастающей напористостью Китая в западной части Тихого океана и Южной Азии⁵³.

Все эти факты подчёркивают расхождение между риторикой общих интересов и вызовов с одной стороны, и стратегическим недоверием с другой. Москва, Пекин и Нью-Дели заявляют о том, что угрозы международного терроризма и регионального сепаратизма требуют единого ответа. Однако эти красивые слова ставятся под сомнение резко конфликтующими интересами и целями. Так, Пакистан, предоставляя разведывательную, финансовую и материально-техническую помощь террористическим группам, самым непосредственным образом представляет экзистенциальную

---

53. См. *Tellis A.*, *India as a Leading Power* // Carnegie Endowment for International Peace. 4 апреля 2016. <http://carnegieendowment.org>. См. также *Unnikrishnan N.*, *Purushothaman U.*, *Trends in Russia-China Relations: Implications for India*. Observer Research Foundation. 2015. С. 99.

угрозу для Индии, являясь в то же время ценным и верным союзником Китая⁵⁴. Доверие может быть труднодостижимым даже в относительно благоприятном контексте, таком как китайско-российское «стратегическое партнёрство». Многие среди путинской элиты остаются недовольными степенью зависимости России от Китая после крымских событий, не говоря уже о растущей асимметричности отношений между двумя странами. Если Китай больше не воспринимается в качестве прямой угрозы территориальной целостности России, он продолжает вызывать весьма живые опасения стратегического вытеснения, потери экономического контроля, а также эрозии цивилизационной идентичности России.

Инструментализация и фрагментация

Растущие внешнеполитические амбиции России, Китая и Индии, а также стойкое недоверие (или, по меньшей мере, стратегическая осмотрительность) в их взаимоотношениях привели к кристаллизации двух основных механизмов, оптимизирующих эти взаимоотношения. Речь идёт об инструментализации и фрагментации.

На первый взгляд может показаться, что инструментальный подход противоречит истинному духу сотрудничества, поскольку он мотивируется скорее тактической целесообразностью, нежели стратегической близостью мышления. Однако инструментализация отражает определённый реализм и прагматизм. Не претендуя на глубинную конвергенцию, этот подход постулирует отказ от «романтического» понятия общности мышления (за исключением пропагандистских целей), извлечение максимальной пользы из отношений и преодоление или минимизацию разногласий.

Подобный расчётливый подход в ходе двух последних десятилетий способствовал развитию китайско-российского партнёрства, выгодно использовавшего относительно низкие ожидания. Так, успехи партнёрства не воспринимались как само собой разумеющиеся, а превозносились с большим энтузиазмом, в то время как неудачи и разочарования, наоборот, преуменьшались. При этом оба партнёра стремились использовать отношения друг с другом в качестве рычагов воздействия на третьи стороны, главным образом, США, что не принесло большого успеха, но и не нанесло вреда самим

54. *Patranobis S.*, China Defends «All-Weather» Pak After Modi Calls It «Mothership of Terror» // Hindustan Times. 17 октября 2016, <http://www.hindustantimes.com>

китайско-российским отношениям. Действительно, Москва и Пекин, приняв общие «правила игры», вели себя одинаково цинично, что резко контрастировало с отношениями, сложившимися в тот же период между Россией и США/Европой. До относительно недавнего времени⁵⁵ эти отношения сопровождались весьма экстравагантными иллюзиями с обеих сторон, в частности, относительно российской «интеграции» с Западом и её мифического прогресса на пути модернизации. Подобное отсутствие реализма способствовало возникновению множества недоразумений, растущего разочарования и неизбежной ответной реакции. Вера в общность мышления оказалась существенным препятствием на пути реального сотрудничества, в отличие от китайско-российских отношений, в которых притворная общность мышления облегчила взаимодействия, поскольку обе стороны осознавали её ограниченность и надуманность.

Китайско-российские взаимоотношения также с пользой применяют механизм фрагментации, то есть способность развивать некоторые зоны сотрудничества, невзирая на сложности в других сферах их отношений. В целом позитивный характер их взаимодействия сохранился благодаря изоляции – хотя бы относительной – неудобных вопросов, таких как расширение присутствия Китая в Центральной Азии и недостаток прогресса в газовом сотрудничестве. Ориентируясь на более широкий взгляд на свои отношения, обе стороны остаются приверженными их общему развитию.

Подобная фрагментация – или изоляция – очевидна также и в двух других отношениях, формирующих матрицу Россия-Китай-Индия. Двустороннее сотрудничество между Москвой и Нью-Дели возросло – хотя и с весьма низкого уровня – несмотря на значительные расхождения в мировоззрении и политических ценностях, а китайско-индийские экономические связи сохраняются в условиях ухудшения проблем безопасности и роста стратегической напряжённости между Пекином и Нью-Дели. Показательно, что даже на фоне сближения Индии с Америкой Моди продолжает настойчиво добиваться развития торговли с Китаем и китайских инвестиций, а также доступа к российскому оружию и ядерным технологиям⁵⁶.

55. Разрушение иллюзий Запада относительно общности мышления с путинской Россией становилось всё более явным с 2012 года. Тем не менее, чтобы разочаровать самых оптимистичных наблюдателей, потребовалась аннексия Москвой Крыма.

56. Примером этого может служить недавняя сделка по ракетам С-400, а также соглашение о совместном производстве двухсот вертолётов Ка-226Т.

Остаётся вопрос о том, насколько механизмы инструментализации и фрагментации могут быть устойчивыми в долгосрочной перспективе. Могут ли китайско-индийские экономические связи развиваться быстрыми темпами, несмотря на растущее политическое и стратегическое давление? Могут ли совпасть – или, по меньшей мере, не вступить в конфликт – интересы России и Китая в Центральной Азии на фоне всё более амбициозной внешней политики Китая? По последнему вопросу факты противоречивы. С одной стороны, в мае 2015 года Россия и Китай договорились о сближении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Путина и Экономического пояса шёлкового пути (ЭПШП)⁵⁷. С другой, этому соглашению явно не хватает ощутимых результатов, в то время как Китай отдаёт предпочтение альтернативным схемам, таким как Морской шёлковый путь, а также различным проектам в Центральной Азии и через неё⁵⁸.

Относительное равновесие может сохраняться до тех пор, пока ожидания остаются скромными, а Россия, Китай и Индия продолжают принимать недостатки в отношениях друг с другом. Опасность заключается в том, что Москва и Пекин, а со временем, возможно, и Нью-Дели, могут сами поверить в ложь о стратегической и концептуальной конвергенции, как это случилось между Россией и Западом в 1990-х и 2000-х годах. Результатом подобного оптимизма может стать не «новый мировой порядок», основанный на «полноценном стратегическом сотрудничестве», а растущие геополитические трения и взаимное отчуждение.

Сохранение центральной роли США и руководимого им мирового порядка

Многое будет зависеть от более широкого международного контекста. Как ни странно, одной из сфер, где взгляды трёх стран совпадают, является восприятие США в качестве основного стратегического ориентира для внешней политики каждой из них. Как было отмечено выше, их позиции относительно взаимодействия с Вашингтоном фундаментально отличаются: откровенная враждебность Москвы к администрации Обамы контрастирует со смешанным подходом Пекина, комбинирующим сотрудничество и соперничество, и

---

57. Хотя ЭПШП и Инициативу пояса и пути (BRI) зачастую не различают, первый является частью последней.

58. *Gabuev A.*, China's One Belt, One Road Initiative and the Sino-Russian Entente. Interview for the National Bureau of Asian Research. 9 августа 2016. <http://www.nbr.org>.

проамериканской склонностью Нью-Дели. Однако все эти подходы объединяет признание центральной роли США. Действия Вашингтона оказывают огромное влияние на российско-китайско-индийскую матрицу, как на индивидуальном уровне, так и в целом. К примеру, каким бы ни было объективное обоснование китайско-российского партнёрства, трудности в отношениях с США стали основным катализатором их стратегического сближения в последние годы. И наоборот, явное предпочтение Моди взаимодействий с Вашингтоном ещё более подрывает и без того слабые перспективы политической координации России, Китая и Индии.

Сохранение центральной роли США влечёт за собой вывод о том, что, при всех своих многочисленных недостатках, руководимый ими мировой порядок сохраняет первенство. Москва может стремиться к отмене этого порядка, а Пекин и Нью-Дели к его реформированию, но никто из них не предложил альтернативной системы или нового набора «универсальных» норм и ценностей и, тем более, не продвинулся на пути их реализации. Сокращение американской внешней политики администрацией Трампа может привести к взятию ими на себя новых обязательств, но на сегодняшний момент такие институты как БРИКС и АБИИ, в лучшем случае, играют лишь дополнительную роль. В этих обстоятельствах, трехстороннее сотрудничество Россия-Китай-Индия остаётся в основном риторическим, едва маскирующим реальность, заключающуюся в том, что каждая из этих сторон намного больше сосредоточена на США, чем друг на друге. Каким бы он ни был ослабленным, руководимый США мировой порядок так или иначе продолжает формировать их взаимоотношения.

Перспектива на будущее: начало или конец трилатерализма?

С учётом сохраняющегося доминирования США на международной арене и растущей напряжённости внутри матрицы Россия-Китай-Индия, можно было бы предположить, что мы можем стать свидетелями кончины трилатерализма, каков он есть или каковым он был. В частности, осуществляемый Моди «поворот к Америке» наводит на мысль о том, что примаковское видение незападной тройки сегодня как никогда далеко от реальности. Перечень разногласий между Россией и Китаем с одной стороны, и Индией с другой, внушает пессимизм. Эти разногласия могут быть как общего характера – противоположные взгляды на мировой порядок и многополярность – так и вполне конкретными, включая Кашмир, Южно-Китайское море, терроризм, Тибет, свободу Интернета, а также реформу Совета безопасности ООН. За небольшими исключениями, такими как общая неприязнь к западным санкциям, российско-китайско-индийский консенсус сводится к общим принципиальным вопросам, в то время как гибкие толкования и успокоительная риторика помогают избежать разногласий.

Тем не менее, некоторые переменные способны изменить или, по меньшей мере, модифицировать существующую динамику. Так, улучшение китайско-индийских отношений могло бы перенести акцент со стратегической конкуренции и связанным с ним беспокойством на более кооперативную повестку по безопасности, посвящённую борьбе с исламистским терроризмом от Пакистана и Афганистана до бывшей советской Центральной Азии. Вместе с этим, Пекин мог бы пойти на смягчение своей позиции по постоянному членству Индии в Совете безопасности ООН, а также в менее символических, но значимых организациях, таких как Группа ядерных поставщиков (ГЯП)⁵⁹. В экономической сфере, Пекин может с большим успехом продвигать свою Инициативу пояса и пути (BRI),

---

59. *Raja Mohan C., Raja Mandala: What Pranab Must Say to Beijing // Indian Express.* 24 мая 2016. <http://indianexpress.com>.

так чтобы она воспринималась не столько как экспансия китайской мощи в Евразии, сколько как жизненно важный инструмент развития обширной зоны стабильности, процветания и взаимосвязанности в регионе.

Несомненно, на пути реализации этих возможностей стоят существенные препятствия, и было бы наивно полагать, что Китай или Индия в ближайшее время смогут отказаться от своих геополитических устремлений и опасений в сфере безопасности. Тем не менее, более мягкая и, в то же время, предприимчивая внешняя политика Пекина могла бы ослабить страхи Нью-Дели и позволить Индии разделить китайский успех. И наоборот, эскалация агрессивной проекции мощи Китая в западной части Тихого океана и Южной Азии может привести к прямо противоположному результату - воинственно настроенной Индии, ищущей сближения с США и Японией для уравнивания Китая.

Ещё одной переменной, способной изменить баланс в сторону большего трёхстороннего сотрудничества, было бы возвращение к власти в Индии партии Конгресса на следующих (2019) выборах. Возможно что вернувшемуся правительству БДП придётся работать в более ограниченных условиях как во внешней, так и во внутренней политике. В этом случае Нью-Дели может отступить от откровенно провашингтонской линии и вернуться к более традиционному многовекторному подходу, характеризовавшему внешнюю политику Индии в последние несколько десятилетий. Такой исход мог бы улучшить перспективы незападных трёхсторонних и многосторонних структур, таких как РИК и БРИКС. Тем не менее, даже при самых благоприятных обстоятельствах успех кажется маловероятным. Стоит напомнить, что партия Конгресса находилась у власти долгий период после окончания холодной войны и всё это время трёхстороннее сотрудничество с Китаем и Россией было в лучшем случае номинальным, а двусторонние отношения с Китаем сложными. Так что смена режима в Нью-Дели не приведёт к резким изменениям.

Новые линии противостояния или новый мультилатерализм?

В этой связи возникает вопрос о возможности того, что вместо трёхстороннего сотрудничества между Москвой, Пекином и Нью-Дели возникнут новый рост соперничества и новые стратегические союзы: с одной стороны, китайско-российская «авторитарная антанта», или «псевдо-альянс», а с другой США, поддерживаемые

ставшей более напористой Индией и получившей новый заряд энергии Японией. Ключевой переменной здесь выступают китайско-американские отношения и их возможный поворот к растущему противостоянию на нескольких фронтах, начиная с западной части Тихого океана и распространяясь на другие географические зоны, включая Индийский океан.

До сих пор, ни Вашингтон, ни Пекин не демонстрировали особого стремления к конфронтации, способной разрушить их обоих – экономически в случае США и экзистенциально в случае Китая. Пекин гневно отреагировал на отказ Международного арбитражного суда в Гааге удовлетворить его претензии на «линию девяти пунктиров», покрывающую большую часть Южно-Китайского моря, но при этом предпринял усилие по ослаблению напряжённости в регионе путём налаживания отношений с другими сторонами конфликта⁶⁰. Со своей стороны, администрация Обамы проявила меньший энтузиазм в продвижении «свободы судоходства» в регионе после принятия решения судом в Гааге.

Однако недавние заявления и поступки избранного президента Трампа могут превратить то, что было принято считать «некомфортным» взаимодействием, в открытую враждебность. Уже само предположение о том, что Вашингтон может занять гораздо более протайваньскую позицию, в дополнение к тарифным мерам, направленным против китайского импорта, имело дестабилизирующий эффект на отношения между США и Китаем. Усложняет ситуацию ещё и поворот Трампа к Москве, косвенно угрожающий одной из главных движущих сил китайско-российского «стратегического партнёрства» – уравниванию «гегемонии» США. Геополитическая картина ещё более замутнена неопределённостью относительно степени приверженности Трампа «глобальному партнёрству» с Индией. Падёт ли оно жертвой отказа от «уравнивающей» стратегии Обамы в Азии, или же Трамп повернётся к Нью-Дели и Токио в поисках их поддержки стремления Америки бросить Китаю более открытый и прямой вызов?

На данном этапе ответить на этот вопрос не представляется возможным. Переменчивый темперамент Трампа - и его неопытность в сфере внешней политики – делают бессмысленными попытки предсказать будущие действия США. Как это ни парадоксально, само

---

60. В этом Пекин был поддержан антиамериканской позицией недавно избранного президента Филиппин Родриго Дутерте. См. *Phillips T., Holmes O., China Courts Philippines Leader Duterte Amid Signs of US Rift* // The Guardian. 17 октября 2016. www.theguardian.com.

наличие подобной неопределённости может способствовать некоторому постоянству в политике *других* крупных игроков. В международном контексте, где ничего не может быть гарантировано, рациональный ответ, такой как сохранение стратегической гибкости и избегание чрезмерно рискованных ходов, позволяет застраховать собственные ставки.

Показательно, что до настоящего времени ответ Пекина на очевидную поддержку Трампом Тайбэя был достаточно сдержанным, ожидающим развития событий без излишнего реагирования на них. В подобном же духе Пекин избегает резких ответов на сближение между США и Индией, и не позволяет себе публичной критики попыток Путина сблизиться с Токио и Ханоем. Столь спокойный подход отражает две реальности. Во-первых, Китай не особенно нуждается в форсировании своих интересов, поскольку существующие обстоятельства и долгосрочные тенденции благоприятствуют его доминированию в регионе. Во-вторых, грубые попытки подчинить своей воле других крупных игроков, таких как Россия и Индия, были бы в лучшем случае бесплодными, а, возможно, и контрпродуктивными.

Похожим образом стратегическая осторожность проявляется и в случае Индии. Крайне маловероятно, что Нью-Дели откажется от своей формально нейтральной позиции, которой были привержены сменявшие друг друга администрации на протяжении семи десятилетий независимости. Для Моди, поддерживать партнёрство с Вашингтоном – это одно, а вступить с ним в официальный союз, тем самым прервав историческую традицию – это совсем другое. Подобный курс радикально повысил бы риск конфронтации с Пекином, как прямой (вокруг спорной территории Аруначал-Прадеш), так и косвенной (посредством Пакистана). Учитывая очевидное неравенство сил между Китаем и Индией и растущее значение их экономических связей, Нью-Дели вряд ли проявит склонность к участию в какой бы то ни было стратегии жёсткого сдерживания, проводимой США. Как история Индии, так и сегодняшние стратегические обстоятельства, позволяют, скорее, предполагать, что, даже опираясь на Вашингтон, она останется верной своей традиции мультилатерализма⁶¹.

Последовательность может также доминировать в позиции России. Усиление китайско-российского стратегического сближения

---

61. *Joshi S., A Survey of India's Strategic Environment // Asian Affairs. T. 47. № 2. 2016. С. 243. <https://shashankjoshi.files.wordpress.com>*

стало естественной реакцией Кремля на резкое ухудшение отношений с Западом в последние годы. Однако Путин продемонстрировал внимание к тому, чтобы не переусердствовать в сближении с Пекином. Несмотря на сильную ориентацию азиатской политики России на Китай, Москва попыталась выйти и на других азиатских игроков, таких как Япония, Южная Корея, АСЕАН, а также Индия. Визит Путина в Токио в декабре 2016 года отразил его давнее желание проводить в Азии географически более разнообразную и менее зависимую от Китая политику.

Аналогичным образом Россия стремится восстановить функциональные отношения с ключевыми европейскими игроками. Недавние события во Франции и в Германии вызывают осторожный оптимизм. Появившаяся в 2017 году перспектива прихода к власти во Франции президента, благожелательно настроенного к России, ослабление Ангелы Меркель, не говоря уже о благосклонном к России президенте США, внушили надежду на то, что западные санкции против России не продлятся долго. И даже если попытки Кремля возобновить сотрудничество с Западом всё ещё могут закончиться неудачей, главный вывод остаётся в силе: Путин стремится позиционировать Россию в качестве средней державы – иначе говоря «полюса» – балансирующего между США и Китаем и связывающего Европу и Азию. Слишком тесное сближение с Пекином не соответствует этому позиционированию и вызвало бы риск подчинения интересов России китайской повестке.

Таким образом, в условиях, когда ни Россия, ни Китай, ни Индия не заинтересованы в серьёзном стратегическом переделе, вполне правдоподобно выглядит сценарий постоянства их позиций. Три ведущие незападные державы будут продолжать взаимодействовать друг с другом в различных форматах – двустороннем, трёхстороннем и многостороннем – но делать это с разной степенью убеждённости и приверженности. Китайско-российское партнёрство останется самым важным и влиятельным, китайско-индийское взаимодействие будет по-прежнему характеризоваться отделением экономического сотрудничества от вопросов политики и безопасности, а российско-индийские взаимоотношения сохранят ключевые элементы сотрудничества, хотя их относительное значение, скорее всего, сократится. Все три стороны будут участвовать в растущем числе субрегиональных, региональных и глобальных структур, при этом двусторонние отношения останутся основным средством их взаимодействия друг с другом.

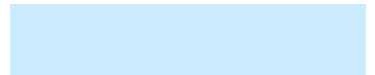
Последние публикации

Russie.Nei.Visions

- ▶ [Ларюэль М., Кадыровизм: ислам на службе у Кремля?](#), *Russie.Nei.Visions*, № 99, март 2016.
- ▶ [Карин Е., Дилеммы безопасности Центральной Азии](#), *Russie.Nei.Visions*, № 98, февраль 2016.
- ▶ [Баев П., Стратегическое влияние России в странах Центральной и Восточной Европы](#), *Russie.Nei.Visions*, № 97, ноябрь 2016.
- ▶ [Иноземцев В., «Модернизация российской экономики: причины провала»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 96, сентябрь 2016.
- ▶ [Лихачев В., «Правые радикалы по обе стороны российско-украинского конфликта»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 95, июль 2016.
- ▶ [Тренин Д., «Азиатская политика России: от двустороннего подхода к глобальной стратегии»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 94, июнь 2016.
- ▶ [Шумилин А., «Россия на Ближнем Востоке: от экономики к геополитике»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 93, май 2016.
- ▶ [Ло Б., «Иллюзия сближения: Россия, Китай и страны БРИКС»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 92, февраль 2016.
- ▶ [Биссон Л., «Иммиграционная политика России: новые вызовы и инструменты»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 91, январь 2016.
- ▶ [Поляков Л., «Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор?»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 90, декабрь 2015.
- ▶ [Тимофеев И., Алексеенкова Е., «Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения»](#), *Russie.Nei.Visions*, №89, декабрь 2015.
- ▶ [Бунин И., Макаркин А., «Россия: государство и бизнес»](#), *Russie.Nei.Visions*, №88, ноябрь 2015.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: souin@ifri.org.

ifri

institut français
des relations
internationales